

слито с «общим» или даже, скорее, растворилось в нем; эти герои – типы разного поведения, разного отношения ко всему именно в общей жизни» [10: 205].

В послании «Вячеславу Иванову» А. Блок не только рисует портрет поэта-современника, но и демонстрирует отношение к адресату и его литературной деятельности, заявляя и о своей эстетической программе. Таким образом, речь идет не только о различных художественных «манерах» поэтов, но и о разном восприятии жизни, мира, общества и человека.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Белый А. Начало века М.: Худож. лит., 1990. 687 с.
3. Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 1995. 510 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. М. 1991. 398 с.
5. Блок в поэзии его современников. Вступительная статья и публикация Ю.М. Гальперина // Литературное наследство. Т. 92. кн. 5. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1993. 905 с.
6. Блок А. Избранное. М.: Панорама, 1995. 556 с.
7. Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. т.5. М.-Л., 1962. 359 с.
8. Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7-т. Т. VI. М.: Художественная лит., 1975. 656 с.
9. Витковская Л.В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века. М., 2016.
10. Громов П.А. Блок, его предшественники и современники: Монография. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1986. 600 с.
11. Иванов В. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта.Л.:Советский писатель,1978.
12. Иванова Д.В., Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собр. соч.: В 4т. Т.1. Брюссель. 1971. 872 с.
13. Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. М.: Статут, 2012. 176 с.

*Соронкулов Г.У.
(Бишкек)*

Отражение западно-восточных военно-политических коллизий в стихотворении А.С. Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...»

Через год после возвращения из путешествия на Кавказ в действующую армию (октябрь 1830 г.). А.С. Пушкин сочиняет «восточное» стихотворение, в котором глубина проникновения в турецкую действительность изображаемого периода настолько поразительна, что историк-востоковед М.С. Лазарев приходит к выводу: у поэта, вероятно, «был турецкий информатор (а может быть, не один), подробно осведомивший его о насущных проблемах тогдашней турецкой жизни» [7: 12].

Данное стихотворение высоко оценено исследователями: «Стамбул гяуры нынче славят...» – перл в пушкинском творчестве, еще недостаточно оцененный и во многом загадочный. Давно замечено, что гениальное всегда отчасти загадочно» [7: 11].

Недостаточную «проявленность» смыслового содержания текста отмечает Д.Д. Благой, намеревавшийся дать «развернутый анализ этого во многом загадочного стихотворения» [2: 522], но не успевший реализовать свой замысел. Обратив особое внимание на политическую подоплеку второй части произведения, ученый указывает на «странное сближение»: «Бунт янычар произошел ровно через полгода после восстания декабристов – в ночь с 14 на 15 июня 1826 года. Мало того, самый ход этого бунта до поразительности напоминает выступление декабристов на Сенатской площади» [3: 196].

Относительно недавно к изучению рассматриваемого текста обратился Д.И. Белкин. Ученый «уточнил источники сведений Пушкина о быте турецкой столицы, об обстоятельствах кровавого разгрома янычар <...> и предположил, что «Стамбул...» – это начало большой «ориентальной» поэмы, которая не была продолжена потому, что Пушкин познакомился с сочинениями О.И. Сенковского «касательно Востока» (XII, 96) и решил не конкурировать с видным ориенталистом. Предположение это – не более чем гипотеза, весьма слабо аргументированная» [6: 159].

Стихотворение, о котором идет речь, известно в двух вариантах. Первый – полный, написан через год после возвращения Пушкина с Кавказской войны (Болдино, осень 1830 г.). Более поздний вариант – усеченный (без последних шестнадцати стихов); он опубликован с изменениями в нескольких строках в прижизненном издании «Путешествия в Арзрум» («Современник», т. 1, 1836 г.).

В тексте «Путешествия» стихотворению предшествуют слова: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу» (VIII, 478).

И само стихотворение, и два предложения, предшествующие ему в тексте «Путешествия в Арзрум», на протяжении уже многих лет привлекают внимание исследователей и комментаторов. Несомненно, основной темой является противопоставление двух городов – Стамбула и Арзрума.

Н.Я. Эйдельман отмечает, что «...в свое время делались попытки сопоставить взгляд Пушкина на бунт янычар с борьбой Петра против стрельцов и оппозиционного боярства» [9: 200]. Далее исследователь указывает: «Некоторые пушкинисты находят связь между «восточным стихотворением» и только что написанной «Моей родословной». Честные, храбрые, дряхлеющие роды оттеснены «новой знатью» – порочными временщиками; мятежи кончаются худо (сравнение соперничества Стамбула с Арзрумом и Москвы с Казанью нарочито неточное: не с Казанью, а с Петербургом!)» [9: 200]. Такое сопоставление в тексте, очевидно, опирается на более глобальный подтекст. В тексте «Путешествия» Пушкин, акцентируя соперничество между Арзрумом и Константинополем (не Стамбулом), имеет в виду соперничество между азиатской и европейской частями государства, шире – между Востоком и Западом.

В начале «сатирической поэмы янычара Амин-Оглу» конфликт Арзрума со Стамбулом откровенно представлен как столкновение «правды древнего Востока» с пороками «лукавого Запада»:

Стамбул отрекся от пророка:
В нем правду древнего *Востока*
Лукавый *Запад* омрачил.

Как убедительно показано исследователями, стихотворение поражает особой объективностью Пушкина в изображении турецкой действительности: поэт смотрит на нее не только «взором европейца» (XIII, 160), но и «изнутри» [1: 123-124]. Такой подход, как показывает анализ языка и стиля произведения, обуславливает ориентальный художественный облик текста: «...сама форма восприятия мира условным автором, воспроизведение его точки зрения <...> мотивирует обращение Пушкина к типичным в его представлении для лирического героя образным, символическим и синтаксическим структурам «Небесной книги» (то есть Корана)» [4: 106].

Воссоздавая обобщенный образ мусульманского «восточного характера», опираясь на собственный недавний творческий опыт, воплотившийся в «Подражаниях Корану» (1825 г.), Пушкин «вживается в этот характер», в «коранический строй мышления». И стихотворение органично вписывается в замысел «Путешествия», как и

в примыкающие к нему пушкинские произведения: «...раскрыть живой и достоверный мир Востока во всей подлинности и глубинных человеческих проявлениях» [8: 145-146].

В результате чтения текста возникает парадоксальный эффект: при всей суровости картины жизни в «Арзруме нагорном», жизни, подчиненной соблюдению строжайших заповедей Корана, она, неожиданно для читателя, оказывается эмоционально привлекательной. «Правда древнего Востока», как будто чуждая и даже прямо противопоставляемая «вкусу и взору европейца», вдруг начинает поневоле покорять его своеобразным поэтическим обаянием. Это происходит потому, что стихотворение Пушкина написано «поразительным даже для него по своей пламенной силе, суровой энергии, кованым, как булатные восточные клинки, стихом...» [2: 522].

Чтобы прояснить оттенки смысла стихотворения, целесообразно, прежде всего, обратиться к особенностям современной поэту политической ситуации как внутри Турции, так и вокруг Оттоманской империи. В исследовательских работах, посвященных анализу данного произведения, утверждается, что автор описывает турецкую действительность после жестокого подавления янычарского бунта султаном Махмудом II (1785-1839 гг.) в 1826 году. Приведенный комментарий представляется справедливым исключительно в отношении заключительной, третьей части стихотворения, начинающейся со слов:

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар.

При этом, согласно мнению ученых, произведение четко делится на три органически связанные между собою части, из которых первые две описывают события, произошедшие около десяти лет до восстания янычар.

На наш взгляд, на создание первых двух частей стихотворения значительное влияние оказали западно-восточные дипломатические отношения тех лет; данный фрагмент вписывается в контекст таких произведений, как «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...». Во вступлении (первые пять строк) под славящими Стамбул «гяурами» Пушкин, вне всякого сомнения, подразумевает дипломатические круги Англии, Австрии, Франции, которые с конца 1815 года всеми способами стараются помешать России в осуществлении ее военно-политических замыслов в описываемом регионе [5: 442].

Вторая, центральная, часть стихотворения, начинающаяся строкой «Стамбул отрекся от пророка...» и завершающаяся словами «Харемы наши молчаливы, / Непроницаемы стоят», напоминает содержание патетического воззвания султана Махмуда II (Хатти-шериф, 31 марта 1821 г.) к своему народу в ответ на все расширяющийся пожар греческого восстания. С целью повлиять на усиление религиозных страстей турок обращение предписывает им «отказаться от удовольствий общественной жизни, приобрести оружие и лошадей и вернуться к обычаям предков и прежней воинственной жизни турецкого народа» [5: 205]. В такой ситуации султан предстает не реформатором прозападной ориентации, а воинствующим хранителем священных национально-конфессиональных традиций. Воззвание вызвало большой резонанс в магометанском мире.

Согласно мнению исследователей [8, 9, 12], А.С. Пушкин, обнаруживавший удивительную осведомленность о соседней азиатской державе, во время появления хатти-шерифа султана находится в южной ссылке, близ тогдашних северных границ Османской империи. Поэт внимательно следит за тем, как разворачиваются события, стремится принять участие в войне, готовится к ней и даже начинает изучать турецкий язык.

Вероятно, Н.Я. Эйдельман также намеревался коснуться затронутой нами темы о том, что загадочное стихотворение, приписанное Пушкиным поэту-янычару, сопряжено с событиями более широкого исторического диапазона, чем только бунт янычаров и его подавление султаном: «Исследователи <...> удивлялись «странной потребности рассказать публике» о ряде событий турецкой истории» [9: 200].

Библиографический список

1. Белкин Д.И. О комментарии к стихам «Стамбул гяуры нынче славят...» // Болдинские чтения, 1982. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 119-128.
2. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 522 с.
3. Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. 2-е изд. М., 1931, 196 с.
4. Григорьева А.Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов // Григорьева А.Д., Иванов Н.Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М.: Наука, 1981, 106 с.
5. Дебидур А. Дипломатическая история Европы: Священный союз от Венского до Берлинского конгресса (1814-1878). Т. 1. Пер. с франц. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 442 с.
6. Кошелев В.А. Историческая оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. 159 с.
7. Лазарев М.С. «Да, азиаты мы...» // Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990.
8. Савченко Т.Д. Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века дис. ...канд. фил. наук. Кубанский государственный университет. Краснодар, 2009
9. Савченко Т.Д. «Путешествие на Кавказ» в жанровом и историко-культурном освещении // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 4. С. 48-49.
10. Тартаковская Л.А. «Путешествие в Арзрум»: Художественное исследование Востока // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. Сб. ст. под ред. Е.П. Чельшева. М.: Наука, 1991. С. 145-146.
11. Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990.
12. Шульженко В.И. Кавказ в русской прозе второй половины XX века. Проблематика, типология персонажей, художественная образность: дис... д. филол. н. М. 2001.

Фадеева И.А.
(Владивосток)

Старообрядцы чугуевского района Приморского края в прозе И.У. Басаргина

(по материалам Басаргинского архива)

Творчество Ивана Ульяновича Басаргина – значимая веха дальневосточной литературы. Язык произведений Басаргина является ярким образцом художественного стиля, где в единстве представлены все пласты национального языка. Являясь дополнительной характеристикой персонажей, раскрывая их образы в соответствии с занимаемой героями социальной нишей, язык художественных текстов демонстрирует широту авторской картины мира, глубину проникновения в жизнь первопоселенцев, в особенности их быта, психологию людей, волею судеб попавших в Приморский край. (Ради представления более полной картины о некоей всеобщности такого свойства российской истории только отметим здесь, что об аналогичных процессах, имевших место в прошлом и в современной действительности на другом конце страны – Северном Кавказе, много писал пятигорский профессор В.И. Шульженко). Русские издревле селились в Северном Причерноморье, что на протяжении длительного времени сопровождалось военными столкновениями с автохтонным населением,